

КОНФУЦИЙ

(ок. 551 — 479 до н. э.)

Древнекитайский мыслитель

Китайские летописцы ведут генеалогию своего реформатора от полумифического богдыхана Хоан-ти, изобретателя цикла и компаса, царствовавшего за 2637 лет до н. э. По их словам, большая часть предков Конфуция отличалась выдающимися способностями и занимала важные административные, военные и гражданские посты в государстве. На одного из этих предков, жившего в VIII в. до н. э. указывают, между прочим, как на большого любителя и знатока старинных обычаев и древней истории – наследственная черта, перешедшая впоследствии к Конфуцию. Об отце Конфуция, которого звали Шу-лиан-хо, летописи повествуют следующее: Хо служил в военной службе и отличался необыкновенным ростом, силой и удивительной храбростью, о которой рассказывают чудеса.

Китайские хронологические таблицы указывают рождение Конфуция на 21-й день 10-го месяца 20-го года царствования богдыхана Линг-Ванга (мудрого царя), т. е. в 551 году до н. э. При рождении Конфуцию было дано имя Киеу – (холм), в знак памяти о холме, на котором молилась его мать. Сведения о детском периоде жизни Конфуция очень скудны.

Известно, что на третьем году жизни он лишился отца, отличался необыкновенным послушанием, почтительностью к старшим, был тих, степенен и рассудителен не по возрасту и что его любимыми детскими забавами были игра в церемонии и жертвоприношения.

О школьном воспитании Конфуция также не сохранилось вполне достоверных сведений. Существует предание, что, когда Киеу исполнилось семь лет, его мать, до того времени сама занимавшаяся воспитанием сына, хотела найти ему учителя, но, будучи еще очень молодой, не решилась взять к себе кого-либо в дом и отдала Киеу в общественное училище. Общественные школы были учреждены в Китае еще при его первых государях, которые сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить только просвещение, и вследствие этого старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. При них и особенно при последующих богдыханах стали учреждать училища во всех городах и даже в деревнях. В этих училищах давалось воспитание всему юношеству без различия званий. Каждый ребенок, достигший восьми лет, мог поступить сначала

ла в низшее училище, где ему прежде всего преподавали правила вежливости, затем обучали обрядам, музыке, стрельбе из лука, возничеству и счету. По достижении 15 лет более даровитые, кто бы они ни были, сыновья ли богдыхана, или сыновья крестьянина, поступали в высшее училище, где им преподавали нравственную философию. Надо прибавить, что в этих училищах воспитание мало развивало самостоятельное мышление, а сводилось главным образом к заучиванию на память нравственных сентенций и сведений, завещанных предками. В такую школу поступил и Конфуций, где его стали звать Чунг-ни. Вскоре Чунг-ни затмил всех сотоварищей своим прилежанием, кротостью, скромностью и успехами в ученье. На 17-м году он был назначен помощником своего учителя, известного ученого Пинг-Чунга, который был вместе с тем и градоправителем того города, где жили Конфуций и его мать. Молодой Чунг-ни, исполняя свою обязанность репетитора, старался по возможности не задевать самолюбия товарищей и возбуждал их рвение скорее собственным поведением, чем наставлениями. Все время своего пребывания в училище он занимался с неустанным прилежанием, изучая сочинения древних авторов, имевших огромное влияние на развитие его ума и сердца. Вообще Конфуцию удалось приобрести в молодые годы много разнообразных сведений, обилие которых впоследствии поражало и удивляло его слушателей.

По окончании своего образования Конфуций, уступая желанию матери, поступил на государственную службу. Ему было дано невидное место торгового пристава, обязанность которого состояла в надзоре за свежестью припасов на рынках и в лавках. Заняв эту скромную должность, Конфуций вовсе не считал себя униженным или обесчещенным, несмотря на то, что происходил из знатного рода, и не старался уклониться от возло-

женных на него обязанностей, но, напротив, тщательно и добросовестно относился к ним и сам во все вникал. Он сознавал, что и на этом скромном месте может быть полезен своим согражданам и родине. С самого раннего утра Конфуций, сопровождаемый сведущими и опытными людьми, обходил рынки и лавки, осматривая овощи, мясо и хлеб, причем поощрял честных торговцев и строго преследовал мошенников, и благодаря этим мерам достиг блестящих результатов. Время, свободное от службы, он продолжал посвящать ревностным занятиям наукой и проводил его почти постоянно дома, изредка только делая прогулки за город с целью поближе ознакомиться с бытом и хозяйством земледельцев или посещая запасные хлебные магазины. Время, посвященное этим прогулкам, не пропадало у него даром, – здесь он старался добыть себе те знания, каких не находил в своих книгах, – расспрашивал земледельцев о качествах возделываемой ими почвы, о средствах сделать ее более плодородной, о средствах предохранения хлебных зерен от прорастания и т. д. Одним словом, он не пренебрегал ничем, что имело хоть малейшее отношение к его обязанности. Наградой ему было за это всеобщее глубокое уважение к нему со стороны его сограждан и громкая слава о его мудрости, которая осталась за ним навсегда.

На 19-м году своей жизни Конфуций вступил в брак с девицей из знатной фамилии, по имени Ки-коан-ши.

Через год у них родился сын. Князь Лу, узнав о рождении сына, прислал в подарок Конфуцию пару рыб из породы карпов. Карп по-китайски называется ли, Конфуций в знак благодарности за милость и внимание князя назвал новорожденного Ли, а впоследствии дал ему прозвание Пейю, что значит «первая рыба». Кроме сына у Конфуция была еще дочь.

В это же время Конфуций получил повы-

шение и на своем служебном поприще. Князь Лу назначил его, по единодушному желанию сограждан и непосредственного начальства Конфуция, инспектором пахотных полей, лесов и стад и дал ему полное право отменять прежние порядки и вводить новые. И в этой должности Конфуций выказал блестящие способности.

Он вникал в малейшую мелочь сельского хозяйства и не упускал из виду ничего, что могло хотя бы несколько содействовать повышению и улучшению сельскохозяйственного быта. Он достигал своей цели то убеждениями и просьбами, то угрозами и наказаниями, то вовремя поданной помощью. Усилия его увенчались блестящим успехом. При его управлении быт земледельцев изменился к лучшему, заброшенные поля обратились в богатые нивы, стада и породы домашних животных умножились и совершенствовались.

Благодаря своим заслугам и плодотворной деятельности Конфуций сильно выделился из среды остальных чиновников княжества, и все сулило ему впереди самую блестящую будущность; но внезапная смерть матери принудила его оставить службу и удалиться от общественной деятельности на целых три года. Смерть его матери произошла в 528 году до н. э.

В Китае издревле существует обычай, который требует, чтобы сыновья, по смерти отца или матери, выдерживали трехгодичный траур, причем чиновники гражданские и военные должны выходить в отставку и могут снова вступить в свою должность не ранее истечения срока траура. Это называется у китайцев восстановлением. Когда в семье нет сына, то подобный долг должен исполнить внук, правнук или же приемыш. В продолжение траура нельзя пить вина, выходить из дому, иметь сношение с женой и бывать на пиршествах. Конфуций слишком уважал древние обряды, чтобы пренебречь хоть малейшей их деталью,

и он строго выполнил все, что требовалось обычаями. Выйдя в отставку, он прежде всего занялся погребением тела матери, желая похоронить ее вместе с телом умершего двадцать лет тому назад его отца в одной общей могиле.

Похоронив мать, Конфуций начал исполнять предписанный трехгодичный траур. Все это время он жил в уединении, вполне предавшись оплакиванию своей потери и научным занятиям. В это время он, вероятно, изучил в совершенстве все то, что не успел узнать в школе или во время службы.

По истечении срока траура Конфуций сложил, как требовалось обычаями, на гробнице матери свои печальные одежды и вновь возвратился к общественной жизни. Он не пожелал занять опять прежнюю должность, но решил продолжать свои ученые занятия и только по прошествии пяти лет усиленной деятельности постиг вполне основы того учения, проповедованию и распространению которого он посвятил остальные годы своей жизни.

Вскоре слава о его учености и мудрости распространилась по всему Китаю, и к нему стали стекаться со всех сторон жаждавшие знания и истины. К нему приходили богатые и бедные, знатные и простолюдины, и он никому не отказывал в мудром совете.

В скором времени Конфуций покинул Лу и отправился в княжество Тси, куда пригласил его владетель этой области, желавший воспользоваться советами и опытом славного философа.

Князь осыпал мудреца ласками из тщеславия, желая, чтобы народ говорил о нем, что он умеет чествовать и награждать великих людей. Он предложил Конфуцию в обладание город. Конфуций отказался, сказав, что ничем не заслужил подобного дара.

Число учеников и слушателей Конфуция возросло до такой степени, что князь отдал ему для его собраний один из своих дворцов.

Вскоре Конфуцию представился удобный случай посетить княжество Чжеу. На родине мудреца, в княжестве Лу, умер один из первых княжеских сановников, при жизни много слышавший о Конфуции и уважавший его за его мудрость. На смертном одре он завещал своим сыновьям сделаться учениками Конфуция. После смерти отца и траура сыновья вельможи прибыли к Конфуцию и сделали его учениками. Благодаря знатному роду и влиянию новых учеников, положение Конфуция сильно изменилось.

Новые его ученики, узнав о желании учителя посетить столицу империи, чтобы на месте ознакомиться с принятыми там церемониями, поспешили помочь ему в этом желании. В это время императорский двор находился в городе Лу. Новые ученики сообщили князю Лу о желании Конфуция посетить двор императора. Князь обещал оказать философу всевозможное содействие и для удобства прислать ему собственную колесницу, пару лошадей и одного из офицеров своей свиты.

Так как главной целью Конфуция было ознакомление с церемониями и постановлениями династии Чжеу, то он по прибытии в Чжеу посещал главным образом различные места, где мог достигнуть своей цели. По прибытии в Лу он встретил Чан-хунга, музыканта-философа. Чан-хунг с радостью приветствовал Конфуция и предложил ему поселиться у него в доме. Он же представил Конфуция первому министру при дворе Чжеу.

В храме предка царской династии Чжеу Конфуций заметил золотую статую на пьедестале, изображавшую человека, губы которого были заколоты тремя иглами. На спине статуи находились следующие надписи:

«В древности люди были осмотрительны в своих речах: им следует подражать... Не говорите много, потому что при многословии всегда скажется что-нибудь, чего говорить не следовало... Не беритесь разом за

много дел – множество дел ведет за собою и множество скорбей или, по крайней мере, забот... Трудитесь и работайте, насколько требует этого ваш долг... Не ищите ни великих радостей, ни излишнего спокойствия: поиски за теми и другими сами по себе – труд и помеха спокойствию... Никогда не делайте того, что рано или поздно может повлечь за собою раскаяние... Не пренебрегайте поправкой зла, как бы ничтожно оно ни было, – запущенное малое зло разрастется и делается большим... Если не будете избегать малой несправедливости к себе со стороны других людей, вскоре придется употреблять все усилия к отражению жесточайших нападков... Говоря или действуя наедине не воображайте, что вас никто не видит и не слышит: духи – свидетели всех ваших деяний... Долго скрытый огонь разгорается в непреодолимый пожар; огонь обнаружившийся легче тушится... Многие ручьи дают реку; многие нитки, свитые вместе, образуют канат, который трудно порвать... Легко вырвать из земли молодое неукоренившееся дерево; дайте ему вырасти – понадобится топор... Из уст наших могут исторгаться и стрелы язвящие, и пламя пожирающее; осторожность предохраняет и от стрел и от огня... Не думайте, чтобы человек, одаренный силой, мог безопасно подвергать себя всяким опасностям, – сильный всегда может встретить сильнейшего, который его одолеет... Ненавидеть законных властителей значит уподобляться разбойникам; роптать на справедливое правительство значит становиться в уровень с низкой чернью... Противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться... Простые люди и простейшие из людей никогда не начинают и не предпринимают ничего нового: они только подражают и следуют тому, что делают другие; им необходимы примеры и образцы. Видя людей осторожных, почтительных, доб-

родетельных, образованных, и они сделаются такими же, и сами, в свою очередь, будут образцами для последующих поколений. . . Уста мои замкнуты, говорить не могу; на вопросы и возражения не отвечу. В свою очередь, и мне не о чем спрашивать. . . Знание скрыто, но, тем не менее, действительно. Хотя положение мое и высоко, но вредить мне никто не может. Из вас скажет ли кто это самое? У неба нет родства, и оно одинаково ко всем людям. Прочитанное вами здесь заслуживает глубокого размышления!..»

Прочтя громко эти правила, Конфуций сказал окружающим его:

– Я смотрю на эти правила как на перечень всего, что только можно сказать полезного. . . Я убежден, что, умея применить эти правила к делу, можно быть близким к совершенству.

Из храма Света Конфуций направился в другие храмы, где богдыханы воздавали почести своим предкам. Мандарины, на обязанности которых лежали присмотр и забота об этих покоях, приняли его с величайшим почетом и усадили на возвышенное место. Во время беседы Конфуций поражал их своими знаниями. Тем не менее он и здесь не упустил случая ближе ознакомиться с обычаями и церемониями, принятыми в Чжеу.

Так прожил он в Чжеу два года. В это время он виделся с Лао-цзы, жившим в уединенной пещере в окрестностях города. Беседуя с Конфуцием, Лао, верный своему учению, упрекал Конфуция за славу, которая ходит о нем в народе, за многочисленных учеников, за его честолюбие и в заключение высказал свое мнение о том, каков должен быть истинный мудрец.

– Мудрец, – сказал Лао, – чуждается света; он не только не домогается, но убегает почестей. Вполне уверенный, что после своей смерти он оставит добрые правила тем, которые способны запомнить и усвоить их, ис-

тинный мудрец не доверяется всякому встречному, а соображается со временем и обстоятельствами. В добрые времена он говорит, в тяжелые безмолвствует. Владелец сокровища скрывает его ото всех, чтобы сокровища не похитили, и никому не разглашает, что у него есть сокровище. Истинно добродетельный своей добродетели напоказ не выставляет и не трубит в уши всем и каждому, что он мудр и добродетелен. . . Вот все, что я хотел сказать вам! Воспользуйтесь тем, что от меня слышали. . .

Возвратясь обратно, Конфуций долгое время хранил молчание и затем, обратясь к ученикам, сказал:

– Вообразите себе дракона, кольцами неизмеримого туловища объемлющего всю вселенную. . . Таков разум Лао-цзы. . .

После двухгодичного пребывания в Чжеу Конфуций, увидев и изучив все, что ему хотелось, решил возвратиться в княжество Тси. В княжестве Тси Конфуций на этот раз пробыл недолго. Видя, что юный князь, по ветрености и легкомыслию, не в состоянии понять и усвоить его учение, философ вернулся на родину в княжество Лу, оставив в Тси для распространения своего учения нескольких учеников. В Лу в это время господствовали смуты, князь Лу был изгнан, и управлением овладели, образовав олигархию, несколько знатных фамилий. В Лу Конфуций прожил 15 лет. Конфуцию была дана ничтожная второстепенная должность, от которой ученики советовали ему отказаться.

– Ни за что, – отвечал им Конфуций, – отказ мой приняли бы за гордость. Указывая другим на путь добродетели, мы первые должны идти по нему, – только тогда у нас могут быть последователи!

Все время своей жизни в Лу Конфуций не прекращал ученых занятий. Вставая рано и ложась очень поздно, он посвящал в продолжение дня на отдых всего два часа.

В это время Конфуций приступил к пересмотру древних священных книг и новой их редакции, исправляя, поясняя, а также сокращая многое из них, что было уже несогласно с духом времени или с господствовавшими тогда понятиями. Особенное внимание Конфуций обратил на книгу превращений (И-кин) великого Фу-си-шы. Вместе с И-кингом он занимался обработкой другого древнего сочинения китайцев Шу-цзинь, древней истории Китая, содержащей в себе события с 2365 года до н. э. Это сочинение было составлено из дворцовых записок, писанных в свое время придворными историографами, под непосредственным наблюдением института Судей истории, установленного богдыханом Хоанг-ти. Конфуций, желая сделать это сочинение основанием законодательства, исключил из него все несообразное со здравым смыслом и, сократив его до 50 глав, начал летоисчисление в истории с государя Яо. Тогда же он стал писать свое историческое сочинение, известное под названием «Весна и Осень» (Чунь-цю), исторические записки княжества Лу, содержащие историю династии Чжеу, смут и междоусобиц, потрясавших это княжество при династии Чжеу. Не оставил Конфуций без внимания и книгу стихов «Ши-цзин». Эти стихи были писаны частью при династии Шань за 1700 лет до н. э. большая же часть при династии Чжеу, когда Китай разделился на множество удельных княжеств. Удельные князья обязаны были собирать народные песни и представлять их главе государства, который судил по ним о нравах и правлении в уделах. Другие стихотворения слагались для пения в торжественных случаях при дворах богдыхана и удельных князей, при жертвоприношениях и т. д. Всех стихов было до трех тысяч. Конфуций сократил их до 311 и также вложил их в основу своего учения. Конфуцию приписывается также составление гадательной книги И-цзин, прабабушки нашего Мартына Задеки, – кни-

ги, написанной очень темным и невозможным языком, а также книги о музыке.

Между тем смуты в княжестве Лу все еще продолжались. Печальное зрелище этих неурядиц сильно наскучило Конфуцию, – он решил несколько освежиться от них и предпринял целый ряд путешествий, желая видеть, где сохранилось еще древнее учение, а также зачатки его учения, данные им в предшествовавшие путешествия. Прежде всего он направился в княжество Чжунь, лежавшее на границах Хо-нана. То, что он увидел здесь, было очень неутешительно. Повсюду царствовало всеобщее недовольство – простой народ погибал от нищеты и бедности, а знатные утопали в излишестве и роскоши. Древнего благочестия не было и следа. Отсюда он отправился в княжество Тси, но и здесь положение вещей было не лучше. Из Тси философ отправился дальше, и только в небольшом горном округе Тай-шан измученному повсеместными бедствиями и неурядицами взору Конфуция открылась картина первобытной чистоты нравов; эта патриархальная картина и неиспорченные понятия горцев об истине несказанно обрадовали философа. Узнав, что князь Тси, бывший в отсутствии при первом посещении Конфуцием княжества Тси, вернулся в свои владения, Конфуций опять направился в Тси, правитель которого в это время из легкомысленного молодого человека сделался зрелым мужем, способным оценить достоинства Конфуция и воспользоваться его советами.

Князь обещал Конфуцию назначить его министром. Но Конфуций скоро узнал, как мало можно было полагаться на эти обещания. Министры, боясь влияния Конфуция на князя, сумели отговорить последнего от его намерения.

Конфуций несколько не жаловался на изменчивость князя, а только пожалел его как доброго и благонамеренного правителя, но не умеющего делать добро благодаря своей за-

висимости от вельмож. Из Тси он опять отправился на родину. Во время пути он почти всюду получал изъявления глубочайшего почтения к его мудрости и учению со стороны отдельных лиц и глубокое равнодушие, а иногда даже презрение со стороны массы народа, всецело поглощенного своими насущными потребностями. На пути все свидетельствовало о неурядицах, господствовавших тогда в отчизне Конфуция, о тех беспрестанных междоусобных войнах, которые раздирали государство,

К общим смутам присоединилось новое бедствие – год был неурожайный, цены на жизненные припасы сильно возвысились, народ был не в состоянии вносить исправно в казну подати и налоги. При этих-то несчастных обстоятельствах опять вспомнили о Конфуции, о его успешном заведовании пахотными землями, когда земледельцы собирали обильные жатвы с самых тощих, пашен, и первый министр, вскоре после прибытия Конфуция в Лу, пригласил его во дворец на совещание. На вопросы и просьбы министра помочь им советами, как поступить при настоящих обстоятельствах, Конфуций отвечал уклончиво и неясно. Ученики были крайне поражены поведением их учителя.

– Почему вы, – спросили они его, – всегда столь великодушный и доброжелательный, не пожелали поделиться с министром вашими сведениями и вашей опытностью? Разве вы охладели к добру, или, быть может, людская неблагодарность ожесточила ваше сердце? Мы не в состоянии понять, что с вами.

– Благодарю вас за вашу искренность, – отвечал Конфуций, – и отплачу вам тем же. Я поступил так потому, что министр – человек жадный, богатый землевладелец. Он думает только об умножении доходов со своих имений, а не об общем благе. Он собирает налоги с жизненных припасов, и его главнейшая забота – увеличение налогов!.. Не думайте, что

он, тронутый народными бедствиями, старается облегчить их; напротив, он заботится только о том, чтобы отобрать у народа и последние крохи.

Один из родственников министра, желая снискать расположение Конфуция, подарил ему, как бы в знак уважения, одну тысячу мер риса. Этот подарок при всеобщей дороговизне и недостатке хлеба был поистине царским подарком. Конфуций принял подарок, сделав вид, что получает должное, и ни единым словом не выразил своей благодарности. Ученики опять смутились, но смущение их сменилось восторгом, когда Конфуций раздал подаренный ему рис бедным, терпевшим лишения от неурожая людям.

– Знайте, – сказал он ученикам, – что и здесь я был верен своим принципам и убеждениям. Я в точности оправдал ожидания моего лиходателя. Он ожидал моей благодарности, теперь же благодарных сотни; он думал угодить только мне, а угодил, хотя и против воли, всему народу. Быть может, видя подобные действия, он поймет, что значит быть истинным благотворителем и на что следует употреблять данные небом богатства!..

У китайских историков встречается множество подобных черт, свидетельствующих о величии души и благородстве характера великого философа. В них Конфуций является постоянно человеком, применяющим на деле все высказываемые и проповедуемые им правила нравственности.

Наконец на 44-м году его жизни Конфуцию судьба улыбнулась. Смуты в княжестве Лу стихли, и князь назначил Конфуция правителем резиденции и ее окрестностей. Здесь открылась обширная арена для деятельности философа. Конфуций был неутомим, и его мудрые и благотельные распоряжения касались самых разнообразных сторон быта подведомственных ему граждан. Прежде всего он занялся улучшением сельскохозяйственно-

го быта народа. Для лучшего выполнения этой задачи он старался сблизиться с простым народом, часто вступал в беседы с ним и совещался, принимая во внимание все справедливые замечания. Он ввел и улучшил после тщательного изучения существовавшую уже при древних правителях систему подразделений почвы по ее качествам и положению. Почвы он разделил на пять разрядов: 1) нагорные земли и земли тощие, 2) низменные и болотистые, 3) песчаные, 4) жирные, суглинистые, 5) при уходе и удобрении дающие хорошие жатвы. Сообразно с качествами почв, он указал, что где лучше сеять, ввел севообороты и плодopеременное хлебопашество и определил с точностью время посевов и жатвы. Одним словом, возобновил и улучшил все постановления, изданные древними богдыханами относительно сельского хозяйства. Кроме того он, узнав, что многие земли отведены богатыми людьми под кладбища, служившие вместе и для увеселительных прогулок, решил искоренить этот вредный обычай и возвратить напрасно пропадающие земли земледелию.

– Кладбища, – сказал он при этом, – не должны быть местами для гуляний. Древние называли их местом слез и вздыханий. Пировать и веселиться на них – значит издеваться над мертвыми. Местами погребения должны быть земли совершенно бесплодные, их не следует обсаживать деревьями или обносить стенами. Когда кладбища не будут походить на сады, только тогда их будут посещать ради искреннего уважения к памяти усопших, а не из праздного любопытства или от безделья.

Благодаря этому разумному распоряжению много плодородных земель стали обрабатываться, а не пропадать даром. И ко всем другим отраслям народного хозяйства Конфуций относился столь же ревностно. Труды Конфуция не были напрасны и в скором времени привели к самым благоприятным результатам.

Под разумным управлением народ посте-

пенно улучшал свой материальный быт, а с возрастаньем богатства народа стала улучшаться и его нравственность. В воздаяние заслуг Конфуция князь назначил его верховным судьей всего княжества, с правом преобразования старых положений и введения новых. Это назначение сделало Конфуция вторым лицом в княжестве по значению и власти.

Своему государю и родине он оказывал большие услуги как проникательный и хорошо знающий людей политик. Не раз он выручал и спасал князя от серьезных опасностей, которые строили его противники. Княжество Лу, благодаря Конфуцию, усилилось. Это усиление могущества князя Лу вызвало опасения и зависть со стороны соседних княжеств.

Они всеми мерами старались подорвать влияние Конфуция на князя и вызвать немилость последнего к философу. Одна из этих мер имела успех. Князю Лу в виде подарка были присланы 120 превосходных лошадей и 13 красивых девушек-танцовщиц и певиц для развлечения и забавы. Князь так увлекся ими, что перестал обращать внимание на Конфуция, а вскоре и совсем разгневался на него благодаря какому-то неловкому замечанию философа. Тогда Конфуций покинул княжество Лу и опять пустился в странствования вместе со своими учениками. По-прежнему он переходил из княжества в княжество и повсюду распространял свое учение.

Людей Конфуций делил на пять разрядов, смотря по их нравственным и умственным качествам. К первому, низшему, разряду он причислял всего чаще встречающихся людей, не отличающихся никакими особыми качествами, – людей, которые говорят только для того, чтобы говорить, не думая о том, говорят ли они дело или пустяки, – людей привычки, живущих жизнью чисто животной изо дня в день, не умеющих ничего сделать без указания. Понятия этого разряда людей, по мнению Конфуция, далее глаз, ушей и рта не про-

стираются. Ко второму разряду он причисляет грамотных, образованных людей, настолько развитых, что они способны иметь понятия о вещах, недоступных понятиям простого народа. Эти люди живут сознательную жизнь, соображаясь с законами и обычаями. К третьему разряду принадлежат люди здравого смысла, которые ни в чем не отступают от него. Они одинаковы в горе и в радости, невозмутимы, добродетельны, умеют говорить и молчать. Этим людей Конфуций называл философами. Четвертый разряд составляют люди прямодушные и истинно добродетельные, и, наконец, самый малочисленный, пятый, разряд – люди совершенные во всех отношениях. Только такие люди и могут стоять во главе государства, говорит Конфуций.

В подобного рода беседах и поучениях проводил Конфуций свое время. Число его учеников за это время достигало трех тысяч человек, кроме случайных слушателей. Собрания людей, стекавшихся послушать мудрого философа, с каждым днем увеличивались.

В княжестве Чжен ему удалось спасти жизнь трех приговоренных к смертной казни преступников. Князь Чжен отнесся к философу весьма благосклонно, но его министры из зависти и боязни опасного соперника заключили Конфуция вместе с учениками в темницу. В ней философ просидел в продолжение недели, затем был освобожден войсками соседнего княжества.

После долгих странствований Конфуций вернулся домой в княжество Лу. Здесь он узнал, что его жена умерла. Услышав это печальное известие, философ сказал:

– Супруга моя скончалась, и я скоро последую за ней. Мне 66 лет от роду. Надобно, однако же, остаток дней моих употребить с пользой. Утешьте сына моего и постарайтесь, чтобы он не слишком предавался скорби.

Последние годы своей жизни мудрец почти всецело посвятил занятиям с учениками. В

окрестностях города на поляне было несколько холмов, служивших некогда алтарями для жертвоприношений, впоследствии же превращенных в места для гуляний; эти холмы были обстроены павильонами, и в них-то Конфуций занимался с учениками. Один из холмов, наиболее любимый и чаще посещаемый философом, сделался известным под именем «абрикосового кургана». Здесь Конфуций окончательно привел в порядок древние священные книги, а также и свои сочинения. Из трех тысяч учеников 72 могли со слов учителя объяснять законы музыки и изящных художеств; правила же мудрости и добродетели в состоянии были передавать людям только 12 учеников. Эти ученики стояли всего ближе к Конфуцию и знали все его заветные думы и помыслы. Из них любимейшим был Иен-хо-ей, на которого Конфуций смотрел как на своего преемника, но он умер ранее учителя.

Мысли о смерти все чаще и чаще стали посещать престарелого философа. Имея от роду более 70 лет, он посетил священную гору Тай-Шан, чтобы там помолиться небу. Предвидя скорый конец своему земному поприщу, Конфуций хотел возблагодарить небо за все его щедроты и милости. Он собрал всех своих учеников и привел их к одному из холмов, окружавших город. Здесь они воздвигли алтарь и возложили на него шесть книг, написанных Конфуцием, причем мудрец, преклонив колена и став лицом к северу, помолился небу. Через несколько дней он опять созвал своих учеников и объявил им свою последнюю волю.

– Созываю вас в последний раз, – сказал он, – постарайтесь запомнить слова мои, в них мое завещание. Как бы ни был умен и образован человек, он не может быть гением всеобъемлющим. У каждого человека, между остальными способностями, непременно есть одна, применяя которую к делу, он может быть истинно полезен на поприще, избранном соглас-

но этой способности. Увлечение одной способностью в ущерб другой, более развитой, выбор должности, не подходящей к характеру, являются источником многих зол и ошибок. Мы давно уже знаем друг друга, и не со вчерашнего дня я ваш учитель. Я как мог исполнял мои священные обязанности по отношению к вам; вы, в свою очередь, делили со мной труды и заботы и опытом убедились в том, что знания и мудрость даются нелегко и что не менее трудно выполнять человеку его назначение.

При нынешнем безотрадном положении вещей в государстве, при нежелании большинства принять преобразования в нравах, обычаях и религиозных воззрениях не надейтесь на успешное распространение моего учения. Вы сами видите, во многом ли я преуспел. Завещаю вам мои книги как драгоценный свод знаний и правил мудрости – в них залог будущего успеха моего учения. Книги эти вы должны передать потомству во всей чистоте. Для того, чтобы успешнее выполнить завет мой, вы должны разделить предстоящие вам труды сообразно вашим способностям. Менг-цзы, Ян-пе-ни-еу и Чжун-кунг, вам я препоручаю отдел нравоучений; Тсаи-нго и Тси-кунг, вы, имеющие дар красноречия, возьмете на себя отдел красноречия; Ян-йеу и Ки-лу, как люди светские, опытные в науке правления, вы займите государственные должности для непосредственного сближения с народом и его просвещения; Тси-юнг и Тси-хиа, знатоки древности, пусть посвятят себя наукам и преподаванию народу правил обрядов и древнего благочестия. Таким образом, каждый из вас исполнит завет мой и будет верен своему призванию.

За несколько дней до смерти философ был во дворце и смотрел с высокой башни дворца на народный праздник духов земли. Это был праздник в честь восьми духов земли (Та-ча), подателей плодов, овощей, хлеба и всех вообще ее произведений; он совершался два раза

в год – в дни весеннего и осеннего равноденствий.

Вскоре после этого он впал в усыпление и после семидневного бессознательного состояния скончался на 73-м году жизни, в 479 году до н. э. При совершении похорон Конфуция строго придерживались древних обрядов.

Сын его умер ранее отца, а внук Тси-сеи был еще малолетен и не мог принять участия в погребальных обрядах, вследствие чего эту обязанность приняли на себя два ученика покойного философа.

Закрыв глаза усопшего, они вложили ему в рот три щепотки рису и облекли труп в одиннадцать различных одеяний; из них верхнее было то, в котором покойный мудрец являлся обыкновенно ко двору. На голову надели шапки в виде тех шапок, какие присвоены государственным министрам. Почетный знак, медальон из слоновой кости, повесили на шею на шнурке, свитом из пяти разноцветных нитей. Одетое таким образом тело положили в двойной гроб из четырехдюймовых досок и поставили на катафалк под балдахин. Вокруг катафалка были расставлены треугольные значки, а в изголовье четырехугольная хоругвь. После того ученики от имени внука покойного купили участок земли в 100 саженьей. На этом участке были насыпаны три земляных куполовидных кургана; из них средний, предназначенный для погребения, был сделан выше боковых. На нем посадили дерево Киале, иссохший ствол которого сохраняется доныне.

При погребении присутствовали родственники и ученики Конфуция. Предав земле тело покойного, ученики дали обещание почитать память учителя трехлетним трауром. Тси-кунг наложил на себя шестилетний траур, в продолжение которого жил на могиле своего учителя в нарочно выстроенной хижине. Прибывшие на похороны с разных концов Китая ученики привезли с собою каждый по де-

реву и посадили деревья эти вокруг гробницы. Сто человек с семьями поселились близ места вечного упокоения мудреца и образовали деревню, названную Кунг-ли; причем, объявив покойного своим господином, просили его внука считать их своими крепостными. Когда князю Лу принесли известие о кончине Конфуция, он воскликнул:

– Небо прогневалось на меня!.. Я лишился неоцененного сокровища!

Желая хотя бы после смерти философа чем-нибудь загладить причиненную при жизни ему несправедливость и обиды, князь приказал построить близ гробницы Конфуция часовню в память его, точно такую же, какие обыкновенно воздвигались князьями в память их предков, чтобы в этой часовне все ученики и последователи Конфуция могли воздавать почести памяти великого человека по существующим обрядам. В часовне поставили портрет Конфуция, положили на алтарь его сочинения, по стенам развесили его парадные одеяния и музыкальные инструменты, тут же поставили его домашнюю мебель и дорожную колесницу. Открытие часовни было необыкновенно торжественно. Князь Лу признал Конфуция своим учителем. Ученики уговорились раз в год приходить к гробнице учителя на поклонение ему и на богомолье. В течение двух тысяч лет это обыкновение соблюдалось и соблюдается доныне. Кроме того, почти в каж-

дом городе воздвигли впоследствии часовню в память мудреца. При первом богдыхане из династий Ган (за 200 лет до н. э.) обряд воспоминания был признан обязательным и для государей. С этого времени на философа стали смотреть как на святого и воздавать ему божеские почести.

Впоследствии было установлено, чтобы каждый ученый, приступая к экзаменам на ученую степень, или мандарин, вступающий в государственную службу, непременно поклонялся памяти Конфуция в посвященных ему часовнях. Постановление это было введено в 998 году н. э., почти через полторы тысячи лет после смерти Конфуция. Кроме сооружения часовен в честь преобразователя, князь Лу дал ему прозвище отца Ни. При династии Ган ему дали титул кунга (герцога, светлости), при династии Танг – титул первого святого, а впоследствии – императорского проповедника. При династии Минг его назвали святейшим, мудрейшим и добродетельнейшим из всех учителей рода человеческого. Живописные и скульптурные изображения его повелено было увенчивать императорской шапкой и облачать в царские одежды. Эта высшая степень почета неизменно соблюдается и поныне. Потомки Конфуция были возведены в звание потомственных дворян. При императоре Конхи их насчитывалось до 11 тысяч человек мужского пола.